

Екатерина Брешко-Брешковская

**Три анархиста: П. А.
Кропоткин, Мост и Луиза
Мишель**

Екатерина Брешко-Брешковская
**Три анархиста: П. А. Кропоткин,
Мост и Луиза Мишель**

«Public Domain»

1921

Брешко-Брешковская Е. К.

Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель /
Е. К. Брешко-Брешковская — «Public Domain», 1921

«Задолго до осуществлений той или другой идеи, несущей в себе радикальные социальные изменения, задолго до ее воплощения в жизни, сперва смутно, потом все яснее формируется она в умах отдельных личностей и наконец выходит в свет в виде готовой теории. Но и готовая теория, как бы она ни была хороша и стройна, долго остается в одиночестве и рассматривается человечеством как интересная игра ума, не имеющая в будущем практического применения. Тем не менее каждая новая теория, если только она носит в себе зерно той правды, к которой волей-неволей тяготеет человечество, как бы далеко вперед она ни забегала, оставляет свой след в умах и вызывает их на создание теорий более приемлемого характера для данной эпохи. . . .» В сокращении.

© Брешко-Брешковская Е. К., 1921

© Public Domain, 1921

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Екатерина Брешко-Брешковская

Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель

(Воспоминания)

I

Задолго до осуществлений той или другой идеи, несущей в себе радикальные социальные изменения, задолго до ее воплощения в жизни, сперва смутно, потом все яснее формируется она в умах отдельных личностей и наконец выходит в свет в виде готовой теории.

Но и готовая теория, как бы она ни была хороша и стройна, долго остается в одиночестве и рассматривается человечеством как интересная игра ума, не имеющая в будущем практического применения.

Тем не менее каждая новая теория, если только она носит в себе зерно той правды, к которой волей-неволей тяготеет человечество, как бы далеко вперед она ни забегала, оставляет свой след в умах и вызывает их на создание теорий более приемлемого характера для данной эпохи.

Разве христианство не вызвало множества попыток провести это учение в жизнь, хотя бы и в менее совершенной форме? Что же касается «мирских» учений, не претендующих на божественное происхождение, – то среди них, быть может, ни одно не требует для воплощения своего такого нравственного, духовного совершенства, как учение анархистов. Оно и считается утопическим потому, что представляет себе человека уже готовым к жизни, управляемой *только* законами разума и совести, каждого члена общества.

Анархизм отрицает не только государство, но и законодательство. Он утверждает, что *уже* настало время расстаться с этими двумя «предрассудками», что люди уже не нуждаются в них и держатся они практически лишь в силу злой воли тех, кто извлекает из них личную для себя пользу, ограничивая волю большинства и подчиняя ее выгодным для себя условиям.

Эта, столь заманчивая по значению своему, теория остается тем не менее при самом небольшом числе последователей, среди которых большинство берет во внимание лишь те стороны анархического учения, в которых усматривает поощрение своему своеволию, отнюдь не способствующему водворению той общественной гармонии, какую имеет в виду само учение. Сами же учителя, сами творцы теории верят так сильно в возможность общежития, свободного от созданных людьми ограничений и условностей, что, не могут мириться ни с какими другими, промежуточными, подготовительными перспективами общежитий. Они со снисходительным сожалением смотрят на тех, кто, при всей добросовестности своей, не могут согласиться с тем, что людские общества уже достаточно подготовлены к взаимоотношениям, полным взаимопонимания, уступчивости и благожелательства.

Кротко, любовно смотрят они на сомневающегося, всеми силами стараются передать ему полноту своей веры в учение, уже давно принявшее для них вид аксиомы, и огорченно удивляются тому, что честные и преданные люди, готовые на все самопожертвования, не могут проникнуться столь ясной, столь спасительной идеей.

Такое «непонимание» их святого святых, такое одиночество духовное является самой тяжелой драмой в жизни анархистов-идеалистов, живущих в воображении своем в условиях, созданных их теорией.

Но откуда же такая, можно сказать, наивность, откуда такое нераспознавание действительности, как будто ее игнорирование, умышленное от нее отчуждение?

Ведь теоретиками анархизма являются часто люди большой эрудиции, ученые мировой известности. Таковы были братья Реклю, таков был наш Кропоткин, не говоря о их предшественнике Прудоне.

Присматриваясь поближе к типам знакомых мне вождей анархизма, я нахожу, что <... > они переносили *свое* внутреннее самочувствие на весь остальной мир. Это были натуры исключительной чистоты, исключительной любви к человеку, жаждавшие видеть его счастливым. Приняв свою мечту, свое душевное состояние за мерило духовных способностей человека вообще, они щедрой рукой награждали его всеми свойствами собственной души и уже не придавали достаточного значения изучению его психики. Свои главные построения они создавали для общества людей тождественной с ними психологии. Одни поступали так потому, что слишком вдавались в свои труды и мало занимались интересами повседневной жизни толпы, другие потому, что жили в мире воображения своего, но были и такие, которых невыносимо горькая судьба заставила направить все честные силы свои на непримиримую вражду ко всему, что заслоняет солнце правды с корыстной целью оставлять во тьме все, кроме себя. Как раз три таких типа довелось мне узнать уже в зрелом возрасте, после долгих лет испытаний и всестороннего изучения натуры человека в разных его званиях и положениях.

II

Мне было уже шестьдесят лет, когда я в первый раз попала за границу, в 1903 году, в мае. Пробыла я вне России ровно два года и впервые в жизни своей узнала лично или ближе ознакомилась со многими, кто в Самом начале семидесятых годов уже выступал в рядах боевой армии революционеров, как в России, так и за границей.

Были среди эмигрантов и однокашники мои по процессу и тюрьмам, были и такие, с которыми приходилось знакомиться совсем заново. Прошло четверть века, многое могло измениться. Но, к радости своей, я нашла, что наши семидесятники жили дружно между собою и что даже разница теорий, которые они исповедовали, ничуть не мешала им сохранять ту душевную близость и взаимное понимание, какие живут в чистых, искренних сердцах, бю-щихся не для себя, а для избранного дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.